

Ю.Я. Бобков, Н.Н. Тютюнников

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ АСУ СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ ВС РФ

Монография

**ПАЛЕОТИП
Москва
2014**

УДК 65.01(075.8)

ББК 65.52я73

Б72

Рецензенты:

А.В. Тебекин, д-р тех. наук, д-р экон. наук, проф., ИМПЭ им. А.С. Грибоедова

Д.Ф. Зиганишин, канд. воен. наук, доц., вед. науч. сотр. НИИ МО РФ

Бобков, Ю.Я.

Б72

Концептуальные основы построения АСУ Сухопутными войсками ВС РФ : монография / Ю.Я. Бобков, Н.Н. Тютюнников. — М. : Издательство «Палеотип», 2014. — 92 с.

ISBN 978-5-94727-696-1

Книга посвящена вопросам предотвращения будущих войн 6-го поколения, в которые может быть втянута Россия ведущими зарубежными государствами, борющимися за ресурсы, рынки сбыта и жизненное пространство. Рассмотрены угрозы Российской Федерации, характерные черты войн будущего и возможные асимметричные действия России для недопущения очередной гонки вооружений. Одним из аспектов показано влияние терминологии на строительство вооруженных сил. На основе анализа сетцентрических систем и компонентов вооружения, военной и специальной техники США и России с использованием системного подхода предложена концептуальная модель перспективной АСУ Сухопутными войсками ВС РФ как большой и сложной системы, позволяющей в том числе интегрировать управление применением оружия всех родов войск на основе сведений, собираемых различными средствами. В книге делается вывод о том, что создание такой системы должно осуществляться, прежде всего, на основе знаний, накопленных советской и российской военной наукой, кибернетикой, системотехникой и информатикой в области создания автоматизированных систем управления, а затем уже с учетом опыта компьютеризации зарубежных стран.

Книга может быть полезна специалистам, проводящим исследования и разработки в области военной продукции и продукции двойного назначения, разработчикам автоматизированных систем управления, а также всем читателям, интересующимся вопросами военного дела.

УДК 65.01(075.8)

ББК 65.52я73

ISBN 978-5-94727-696-1

© Бобков Ю.Я., Тютюнников Н.Н., 2014

© Издательство «Палеотип», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1. Угрозы Российской Федерации.....	9
2. Характерные черты войн будущего.....	15
3. Сетецентрические войны.....	25
4. Влияние терминологии на строительство вооруженных сил.....	32
5. Асимметричные действия.....	37
6. Сетецентрические системы управления ВВСТ США.....	45
6.1. Средства ведения разведки.....	50
6.2. Автоматизированные системы управления войсками и оружием.....	52
6.3. Роботы.....	57
6.4. Экипировка.....	60
7. Сетецентрические компоненты ВВСТ России.....	63
7.1. Автоматизированные системы управления войсками.....	65
7.2. Роботы.....	68
7.3. Экипировка.....	69
8. Концептуальная модель перспективной АСУ Сухопутными войсками.....	71
Заключение.....	82
Перечень принятых сокращений.....	85
Литература.....	87

ВВЕДЕНИЕ

С приходом на пост Министра обороны Российской Федерации Сергея Кужугетовича Шойгу резко активизировалась повседневная деятельность (деятельность в мирное время) Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ):

- начались океанические рейды соединений кораблей, в том числе с пусками ракет различного назначения;
- возобновились тренировочные полеты авиации (стратегической, фронтовой, армейской) вместе с боевыми стрельбами;
- проведены и проводятся учения (маневры) такие как «Кавказ 2012», а также широкомасштабные учения в Восточном военном округе;
- на различных полигонах проводятся учебные пуски ракет различных ракетных комплексов, например С-300 в Астраханской области, и многое другое.

Однако, ни один российский военный эксперт, аналитик, теоретик военного искусства не задал вопрос и не ответил на это в военной прессе: «А с какой целью проводятся все эти учения, пуски, стрельбы и т.п.?»

Здесь возможны, на наш взгляд, три ответа:

1. ВС РФ еще существуют и обладают достаточной мощностью или, точнее говоря народным языком, «мускулами и кулаками».

2. Отрабатываются войсками (силами) новые и существующие формы ведения боевых действий, т.е. проверяется боевая эффективность отдельно взятых образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) или оценивается псевдо «синергизм» (эффективность комплексного применения разнородных образцов ВВСТ) как элемента «сетцентрического» способа ведения военных (боевых) действий. Здесь под «синергизмом» понимается эффект от совместных действий объединенных в сеть средств вооруженной борьбы, который по совокупному результату превышает сумму эффектов от применения тех же средств по отдельности [32].

3. Проверяются и отрабатываются новые и существующие формы управления войсками (рефлексивная, директивная, адаптивная, генерирующая) с использованием отдельных автоматизированных систем управления (АСУ) войсками и оружием и элементов единого информационно-телекоммуникационного пространства (так называемые «сетцентрические» способы управления войсками — платформо-

центрический, сетецентрический, информационно-центрический, знание-центрический).

На последних учениях в Восточном военном округе было переброшено несколько тысяч единиц бронетанковой техники. И опять возникает вопрос: «А для чего?» Чтобы показать, что Сухопутные войска (СВ) ВС РФ обладают достаточным количеством такой техники, или как отработка одного из элементов будущей войны — «мобильности»? Если это «элемент мобильности», то в условиях будущей войны такая переброска будет сведена к нулю по двум причинам:

- возможности космической разведки Соединенных Штатов Америки огромны и скрыть такую переброску просто невозможно;

- примененные штатные средства маскировки не эффективны от оптико-электронной разведки противника в диапазоне от 0,4 мкм до 8÷14 мкм.

Вот если бы вся эта армада бронетанковой техники была бы замаскирована новейшими средствами маскировки, эффективными в диапазоне от видимого до радиолокационного (с одновременной оценкой эффективности обнаружения российскими космическими средствами разведки), то здесь уже можно было бы говорить о другом элементе сетецентрического способа ведения войны — «скрытности», т.к. маскировка и защита информации приобретут в XXI веке статус специальных войск (служб) и новейшие технологии в этих областях станут определять боеспособность армии.

Можно было бы проверить и другой, более дешевый и доступный способ маскировки, — погрузка и переброска техники в крупногабаритных контейнерах.

Далее наступает вторая фаза переброски бронетанковой техники — это ее развертывание. И опять здесь возникает вопрос: «А даст ли вероятный противник сделать это?» Да тем более в светлое время суток или ночью при хорошей прозрачности атмосферы и при наличии у него круглогодичной эффективной космической разведки — это первое. А второе — район развертывания составляет примерно 100—150 км от линии соприкосновения с противником. Это тот рубеж, на котором уже эффективны и средства армейской многофункциональной разведки ARL-M.

Можно было бы смоделировать развертывание бронетанковой техники по такому варианту: разгрузку и развертывание прикрывают комплексы «Панцирь-С», а вся бронетанковая техника оснащена комплексами активной защиты типа «Арена» (один — для защиты передней полусферы, второй — верхней), когда-то разработанными конструкторским бюро (КБ) машиностроения под руководством С.П. Непобедимого. При этом реактивные системы залпового огня (РСЗО) типа «Смерч» и фронтная

(армейская) авиация производят в районе развертывания пуски неуправляемых (РСЗО) и управляемых (крылатых) ракет с кассетными боевыми частями, начиненными индивидуальными самонаводящимися суббоеприпасами, работающими в диапазоне $(3 \div 5)$ — $(8 \div 14)$ мкм или радиотепловом диапазоне $(3 \div 8)$ мм), причем суббоеприпасы оснащены практическими боевыми частями (элементами).

Вот такой сценарий был бы приближен к возможным вариантам будущих войн, которые отрабатываются «боевыми лабораториями» армии США, опыт которых обязательно надо брать на вооружение нашей армии. В размышлении над этим следует сказать, что в настоящее время в США разработана и успешно осуществляется (в рамках строительства сухопутных войск США) программа «Силы XXI века», в рамках которых планируется реализовать ряд концепций: «Армия 21» и «Армия будущего». Они также будут проверяться в «боевых лабораториях», т.е. войсковых экспериментальных учениях, демонстрирующих передовые технологии и преследующих основную цель — повышение боевых возможностей СВ будущего за счет внедрения перспективных образцов ВВСТ. В программе «Армия 21», рассчитанной до 2015 года, радикальных изменений не будет, а проводимые мероприятия будут иметь эволюционный характер. В свою очередь программа «Армия будущего», рассчитанная на период до 2025 года, будет носить революционный характер.

В 1996 г. на базе 4-ой механизированной дивизии было создано экспериментальное соединение, а в марте 1997 г. на его основе было проведено учение «Таск форс 21» бригадного уровня. Характерной чертой экспериментальных учений явилось то, что проверка осуществлялась путем реального участия в учебных действиях прототипов ВВСТ, созданных на основе перспективных технологий. С ноября 1997 г. по март 1998 г. проходил следующий этап экспериментально-дивизионных учений 4 мд, имеющей 2-х бригадную структуру. У обеих бригад на вооружении находились опытные перспективные образцы ВВСТ [42].

Вернемся к нашим учениям и перейдем к действиям мотострелковых подразделений. Им была поставлена задача уничтожения бандформирования, засевшего в городских условиях. И опять здесь расчет на зрелищность со стрельбой из автоматического оружия в «дневное время суток». Вот если бы здесь проверялась индивидуальная перспективная экипировка военнослужащего, такие как маскхалат, эффективный в диапазоне от видимого до радиолокационного (3,2 см), перспективные портативные средства связи на базе перепрограммируемых адаптивных радиостанций, спутникового телефона, навигационной системы, или перспективного стрелкового оружия, например, дальнобойной снайперской вин-

товкой с ночным инфракрасным прицелом или «кривого оружия», способного вести огонь на поражение из-за укрытия, то тогда учения отработывали бы отдельные элементы военных конфликтов будущего.

А пока возникает вопрос: «А почему отработка по захвату бандформирований (террористов) происходит в светлое время суток и без применения ослепляющих (маскирующих) комплексно-комбинированных широкоспектральных дымовых помех, эффективных в диапазоне от 0,4 мкм до 3,2 см, разработанных 25 лет назад филиалом НИФХИ им. Л.Я. Карпова и в/ч 21374, прошедших всесторонние испытания и исследования, в том числе и по способам применения. При постановке таких ослепляющих помех личный состав бандформирования (террористов) вообще не сможет применить какое-либо оружие. Здесь налицо будет только физический контакт с ними. В случае отсутствия таких помех, кто может гарантировать отсутствие у террористов ночных систем прицеливания и систем, работающих в диапазоне $(3\div 5) — (8\div 14)$ мкм.

А ракетные пуски надводных кораблей по неподвижным баржам? Они напоминают контрольные стрельбы по приемке новой продукции или стрельбы после длительного хранения. Здесь был бы наиболее эффективным такой вариант. Моделируется авианосное соединение с использованием самоходных барж, оснащенных средствами противодействия, которыми может располагать вероятный противник, как активными, так и пассивными. А уничтожение этого соединения моделируется пусками ракетного комплекса «Гранит» (или его модификаций) и массированными пусками крылатых ракет класса «воздух — море».

Совсем недавно (конец октября 2013 г.) были проведены учения в Центральном военном округе. Как было освящено отечественными средствами массовой информации (СМИ) и комментариями ответственных лиц по проведению тех учений — отработывались элементы по эвакуации и последующему ремонту образцов ВВСТ ремонтно-восстановительными подразделениями СВ ВС РФ. Вот только непонятно — это очень важно и нужно для будущих военных конфликтов, особенно для войн 6-го поколения (бесконтактных с применением обычных средств поражения). Проведенные учения характерны и нужны были для войн 4-го поколения.

И, наконец, последнее: в последующих разделах будет установлено, что война будущего для России — это война 6-го поколения — бесконтактная и безъядерная, но с массированным применением высокоточного оружия (ВТО), прежде всего, крылатых ракет различного базирования. Вот здесь и напрашивается вопрос: «А почему не провести широкомасштабные учения по отражению массированного налета крылатых ракет?» При этом пуски ракет необходимо проводить с различных носителей и с

различных географических районов РФ, но только с одним условием — только Министр обороны лично сам отдает команду, когда и каким образом должны быть осуществлены пуски. Больше об этом никто не должен знать. Вот это будет реальная проверка эффективности нашей противовоздушной обороны (ПВО). Кроме того, была бы оценена возможность РФ по отражению такого удара с учетом огромной протяженности границ РФ и высокой стоимости современных систем ПВО, не позволяющей развернуть их в достаточном количестве.

К этому можно добавить, что военно-политическое руководство США справедливо считает, что отражение массированного удара крылатых ракет является крайне дорогостоящей и сложной задачей, которая сегодня не по плечу ни одному из потенциальных противников США. Так по некоторым данным [36] суммарное количество крылатых ракет на различных носителях (B-52H, B-2, атомных подводных лодках «Virginia», «Los Angeles», «Providence», «Ohio», эсминцах «Arleigh Burke», «Spruance» и крейсере с управляемым ракетным оружием типа «Ticonderoga») составляет 2400—3600 единиц.

И в завершении к вышеизложенному: даже эти приведенные отдельные примеры говорят о том, что все проводимые учения носят не системный характер, направленный на отработку элементов современных войн. Необходима скорейшая разработка методологических основ планирования, организации и проведения учений, направленных на отработку элементов будущих войн (а это, скорее всего, война 6-го поколения и борьба с террористическими организациями или националистическими выступлениями). Отсутствие системного подхода к проводимым учениям может резко повлиять на боеспособность и боеготовность ВС РФ в военных конфликтах будущего.

Проводимые учения всегда должны преследовать только одну цель: оценка характера войны, ожидающей РФ в будущем, и приемлемого способа ее ведения по критерию «минимальные затраты — максимальный эффект». Война как потенциальное явление никуда не ушла и не уйдет из жизни человечества ни в XXI веке, ни в далеком будущем. Она не исчезнет, не превратится в аномалию, а лишь трансформируется, утрачивая прежние и приобретая новые черты. Она по-прежнему останется для общества «отцов всего» (по Гераклиту), а для государства еще и «путем существования и гибели» (по Сунь-Цзы) [3]. Здесь также уместно одно высказывание прусского генерала Карла фон Клаузевица, написанное в его фундаментальном труде «О войне»: «Самое первое, главное и самое важное в смысле последствий принятий решений, которые должен принять государственный деятель или командир — это определить тип войны, в которую он погружается...».

1. УГРОЗЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На сегодняшний день для РФ характерны два вида угроз — внешние и внутренние.

Из внешних угроз наиболее опасными можно считать:

- возникновение и эскалация военных конфликтов вблизи государственных границ России и внешних границ Содружества Независимых Государств (СНГ);

- резкая эскалация масштабов международного терроризма против России и ее союзников, в т.ч. с возможным использованием оружия массового поражения;

- увеличение военно-технического отрыва ведущих держав и наращиванием их возможностей по созданию ВВСТ новых поколений, что ведет к качественно новому этапу гонки вооружений и существенному изменению содержания, форм и способов ведения военных действий;

- существование территориальных претензий к России со стороны сопредельных государств.

Наиболее полно и наглядно значимость этих угроз для РФ проявилась в ходе расширения Организации Североатлантического договора (НАТО) на Восток и их агрессии против Югославии, а также событий на Северном Кавказе.

В этой связи следует особо остановиться на войне на Балканах, т.к. она во многих отношениях стала значимой.

С военно-политической точки зрения эта война ознаменовала собой, по существу, начало новой эпохи не только в военной, но и во всеобщей истории. Это эпоха открытого военно-силового диктата США по отношению к другим странам, в т.ч. к своим союзникам (именно в этом контексте просматривается и «глобализация» НАТО своей зоны ответственности). Появление этой эпохи — не случайный поворот истории, а одна из закономерностей конца XX — начала XXI века. При относительно небольшой удельной численности населения (порядка 2,5%) США потребляет до 40% добываемых в мире природных ископаемых, импортируя при этом около половины нефти, за счет которой на 40% удовлетворяет свои базовые потребности в энергии. Поэтому по мере возрастания зависимости своего экономического благополучия от доступа к мировым рынкам и запасам природных ресурсов военно-силовая компонента политики США будет систематически

усиливаться, в т.ч. и по отношению к России в силу специфики ее геополитического положения [3].

А это значит, что при возникновении военных действий со стороны США война для России будет оборонительной в силу национальной политики и существующей военной доктрины.

Сейчас доминирует экспертное мнение, которое утверждает, что большие войны между государствами в будущем маловероятны. Тем не менее, полностью исключать вероятность их возникновения нельзя. Например, напряжение в отношениях России и Запада как будто пошло на спад, но это не мешает сторонам не соглашаться друг с другом в вопросе размещения элементов американской противоракетной обороны (ПРО) в Европе, и президент России уже успел заявить о возможности новой гонки вооружений. Разумеется, это не означает того, что мир стоит на пороге военного столкновения России и НАТО, но после завершения «холодной войны» Альянс не был распущен, и Москва продолжает расценивать его в качестве потенциального противника. Короче говоря, хотя вероятность войны России с Западом крайне мала, но она сохраняется.

Кроме того, в решении вопросов межгосударственных отношений уже сейчас делают и будут делать ставку на обеспечение национальных интересов в критически важных для себя и своих союзников районах мира. Вне всякого сомнения, превалирующее значение на определение повода для развязывания войн и вооруженных конфликтов, да и конечных военно-политических целей всех военных кампаний оказывали американские экономические и политические интересы. Четкое проявление контуров исчерпаемости мировых сырьевых ресурсов заставляет американцев учитывать это и объявлять зоной своих интересов регионы, имеющие значительные природные запасы, и прежде всего, нефти и газа.

Именно поэтому, все регионы и пространства, содержащие эти ресурсы, вовлечены в планы их стратегической экспансии, и именно отсюда проистекает «дружеское внимание» США к странам Ближнего востока, Прикаспийского региона, Грузии, России и других ресурсодержащим и транзитопригодным странам и регионам мира. Достижение своих целей в этих регионах они будут пытаться осуществить любыми путями. Военный конфликт России с Грузией — это первый конфликт после окончания «холодной войны», в котором прямо столкнулись интересы РФ и США. Трубопровод Баку—Тбилиси—Джейханстал стал воплощением стратегических замыслов Вашингтона пустить потоки нефти и газа в Европу в обход России. Кроме того, Грузия нужна американцам как удобный плацдарм, с которого можно держать под прицелом все страны Ближнего Востока [19].

В тоже время потенциально большая опасность угрожает Москве с Востока. Никто не знает, как в будущем поведет себя набирающий силу Китай. Ему понадобятся ресурсы и «жизненное пространство», поэтому он может обратить внимание, прежде всего, на российские Сибирь и Дальний Восток, где мало жителей, много территорий и большие запасы природных ресурсов. Если военный потенциал Пекина будет расти теми же темпами, а Кремль бросит свои восточные земли на произвол судьбы, вероятность нападения Китая на Россию резко возрастет. Ну а поводов долго искать не придется, например, защита прав проживающих на Дальнем Востоке китайцев [20].

Военная опасность со стороны Китая обусловлена следующими причинами. По многим макроэкономическим показателям Китай вышел, несмотря на кризис, на второе после США место в мировой экономике. А стремительный рост экономической и, как прямое следствие, военной мощи Поднебесной означает, что необходимые ей природные богатства и территории она не прочь брать силой, о чем в Пекине заговорили уже практически открыто на достаточно высоком уровне [16]. Виной тому — бурный рост экономики Поднебесной: дело не в какой-то особой агрессивности Китая, а в том, что экспансия для него — вопрос выживания его экстенсивной модели экономики. Что касается вектора экспансии Китая, то после потери своих позиций в Африке и на Среднем Востоке у Поднебесной остается одно направление — Север, то есть Сибирь и Дальний Восток [63]. Тем более, что подобный сценарий развития событий уже прописан у Китая в его доктрине «Три севера, четыре моря», принятой Центральным военным советом Центрального комитета Коммунистической партии Китая еще в 1993 году.

Китаеведы отмечают, что по этой зашифрованной от понимания иностранцев доктрине, занятый Китаем центр по закону перемен к 2019 году одолеет «Три севера в пределах четырех морей» и тогда «XXI век станет веком Китая». А три севера — это «Североатлантический альянс, Россия как север Евразии и Североамериканские Соединенные Штаты в Новом Свете».

Оценивая возможность перехода «китайской опасности» в «китайскую угрозу», следует учитывать, что Китай имеет колоссальные людские ресурсы, активно ведет перевооружение своей армии на новые средства ведения крупномасштабной войны, вплоть до применения ядерного оружия. Осваивает китайская армия и новые формы и методы ведения войны — информационные и психологические операции, а также управление войсками на основе «сетевых моделей». При этом основные предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Китая находят-

ся в глубине его территории и их поражение в случае войны возможно только с использованием стратегического оружия.

Возрастанием китайской военной мощи озабочены не только в России. Сами основоположники Концепции сетецентрической войны также пристально и довольно ревностно следят за инициативами своих зарубежных коллег и оппонентов. «Неважно, как скопирует и адаптирует под свои нужды в Китае наш бренд „сетецентрическая война“, важно, что они в разы повысят инвестиции в разработку перспективных средств разведки и высокоточного оружия, — отмечают в США. — Итогом однозначно станет технологический прорыв, который обеспечит китайцам необходимый уровень ситуационной осведомленности и понимания на поле боя. То есть американские группировки будут вскрыты, а это (при наличии ВТО дальнего действия) равносильно их поражению» [55].

Поэтому другая возможность войны — это конфликт Китая и США. Америка стремительно теряет статус единственной супердержавы, и ее место может занять Китай. На вершине господства миром всегда остается только одна сила, и когда ситуация достигнет критической точки, может начаться война, а поводом для этого послужит Тайвань, который Китай рано или поздно решит подчинить себе, а США вероятно постараются этому помешать.

Вероятность возникновения большой войны невелика, но каждая крупная держава должна быть к ней готова.

Помимо этого, в настоящее время резко возросли угрозы локальных и региональных масштабов. Многосторонние конфликты разной степени интенсивности сегодня имеют место на Ближнем и Среднем Востоке (Израиль, арабские страны Северной Африки, Сирия, Мали, Иран, Ирак, Афганистан), в недавнем прошлом — на Юге Европы (Югославия и постюгославские страны), непростая обстановка складывается в Южной Азии (Индия, Пакистан).

Большинство экспертов считают, что локальные конфликты будущего будут носить характер восстановления и поддержания мира. Практика показала, что активная фаза в них заканчивается очень быстро, а потом надо или уходить, или вести бесконечную партизанскую войну [55].

Ограниченные региональные войны, очевидно, останутся в обозримом будущем наиболее распространенной формой межгосударственных вооруженных конфликтов. Для России самыми оформленными угрозами такого рода являются претензии Японии на южнокурильские острова, а также непризнание Грузией итогов конфликта 2008 г. в Южной Осетии [55].

Внутренние угрозы военной безопасности России обусловлены долгосрочными последствиями общественно-политического и социально-экономического кризиса в стране. Они характеризуются:

- обострением межнациональных отношений, региональным сепаратизмом и религиозным экстремизмом, создающими благоприятные условия для возникновения внутренних вооруженных конфликтов;
- существенным снижением валового продукта, что принципиально ограничивает возможности государства по финансированию своих оборонных потребностей, в т.ч. в области развития ВВСТ, технического оснащения и обеспечения ВС РФ;
- значительным ослаблением научно-технического, технологического и интеллектуального потенциала, а также усилением внешней технологической зависимости страны [55].

Территория РФ в настоящее время стала прямым объектом внешней вооруженной агрессии еще одного стремительно формирующегося мирового «центра силы»: «панмусульманского» салафитского проекта, который при поддержке «нефтяных» монархий Саудовской Аравии и стран Персидского залива активно формирует и поддерживает экстремистские ваххабитские движения не только в «исламских» регионах России, но и по всей ее территории. Не секрет, что салафитский проект во многом реализуется с подачи США и отчасти Евросоюза, которые видят в миллиардной исламской умме необходимый им демографический ресурс для противостояния Китаю, Индии и России [10].

Данный проект ставит своей целью вычленение из состава России «мусульманских» регионов, создание там исламских эмиратов с «зачисткой» немусульманского населения. Накопившиеся в этих регионах многолетние проблемы — тотальная коррупция, клановость, деградация образования и социальной сферы в целом, имущественное неравенство, неразвитость производственных секторов экономики и безработица — стали питательной средой для политических сил экстремистского толка. После всплеска их активности в 90-е годы XX века, новому руководству страны в начале 2000-х годов удалось сбить «ваххабитскую волну», но за последние три года приходится констатировать новое и скачкообразное усиление активности экстремистских движений и организаций под флагом ваххабизма, который подается как «исламский социализм». Неприятной новостью для структур федеральной власти стало появление экстремистских формирований на территории ранее стабильных «исламских» регионов страны: Татарстана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Не в последнюю очередь это связано с тем, что салафитские центры Катара и Саудовской Ара-

вии в ходе «арабской весны» в Судане, Египте и Ливии, отработав технологии свержения неугодных режимов, теперь решили, что вполне могут повторить подобные «революции» на территории России, а потому многократно увеличили финансирование экстремистских организаций. Кроме того, идет накопление оружия, взятия под контроль местных органов власти и захват духовных центров. Все это позволяет сделать вывод о неизбежности эскалации террористической активности в регионе, вплоть до перерастания ее в вооруженный мятеж и диверсионную войну [10].

В среднесрочной перспективе до 2020 года следует ожидать расширение спектра глобальных вызовов и угроз, вызванных результатами формирования многополярной системы мироустройства. Сегодня становится нормой практика применения стратегии односторонних действий. Это дискредитирует существующую систему обеспечения безопасности в мире и стимулирует нарастание конфликтного потенциала в ряде регионов. Разрастаются масштабы международной террористической деятельности. Все это способствует эскалации существующих и возникновению новых вооруженных конфликтов, в которые может быть втянута и Россия.

На период до 2030 года уровень существующих и потенциальных военных опасностей для РФ в значительной степени способен повыситься. Он определяется борьбой ведущих государств за топливно-энергетические и трудовые ресурсы, рынки сбыта товаров и жизненное пространство. В содержании форм и способов ведения вооруженной борьбы будет происходить переориентация от всеобщей ядерной и обычной войны на военные действия локального и регионального масштаба.

В вооруженной борьбе будущего центр военных действий может переместиться в воздушную, космическую и информационную сферу, а пространство войны из трехмерного может превратиться в четырехмерное, что подтверждается событиями на Ближнем Востоке [62].